

В. В. Бегунова

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СМЯДЫНИ В СМОЛЕНСКЕ

Статья посвящена исследованиям известной исторической местности в Смоленске под названием Свирская слобода или Смядынь, расположенной на одноименной реке.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история археологии, Борисо-глебский монастырь, археологические исследования, ИАК, Смоленская Ученая Архивная Комиссия (СУАК), Смядынь, Свирская слобода.

В Смоленске до сегодняшнего дня сохранился ряд микротопонимов, которые выделяются исключительной древностью, среди них — Смядынь и расположенные поблизости Кловка, Свирская. Рассматриваемая нами местность находится на окраине современного города по левому берегу Днепра и получила свое название по имени небольшого днепровского притока, речки Смядыни, хотя существуют и другие этимологические версии [Перлин, 2002, с. 46].

Впервые в письменных источниках Смядынь как отдельная от средневекового города территория упоминается в Повести временных лет под 1015 г. в известном рассказе об убийении князей Бориса и Глеба. Смоленский князь Глеб в начале плавания по Днепру из Смоленска в Киев остановился неподалеку от города на Смядыни, где и был убит [Повесть, 1996, с. 81].

Важное место истории Смядыни отводилось в трудах известных смоленских историков-краеведов рубежа XIX—XX вв. — С.П. Писарева, И.И. Орловского, В.И. Грачева, которые подчеркивали, что данная местность для Смоленска была тем же, чем Вышгород для Киева. В посвященных этому вопросу трудах они с

полной уверенностью заявляли, что Смядынь являлась укрепленной княжеской резиденцией и обособленным от Смоленска крупным торгово-ремесленным поселением [Писарев, 1894, с. 8; Орловский, 1909, с. 221; Грачев, 1908, с. 72—73]. Но мнения расходились в вопросе о времени, когда этот район города приобрел такое большое значение. И.И. Орловский утверждал, что Смядынь становится местом оживленной торговли, а впоследствии происходит перенос и административного центра из «главного города» в «княжеский» при Ростиславе Мстиславиче (1125—1159) и Давиде Ростиславиче (1180—1197) [Орловский, 1909, с. 206, 208]. С.П. Писарев же склонялся к тому, что изначально князья селились «особо от горожан», а в крепости XII в. не было церкви Бориса и Глеба. Но заключения авторов скорее являются догадками, поскольку прямых указаний на подобное значение Смядыни нет. Поэтому представление о том, что здесь была резиденция смоленских князей очень спорно, археологическими данными пока не подтверждается и у последующих исследователей поддержки не нашло [Воронин, Раппопорт, 1979, с. 38].

В настоящее время в этом пригороде Смоленска находится чудом уцелевший уникальный памятник архитектуры XII в. — церковь Михаила Архангела (Свирская), а также остатки нескольких храмов — Борисоглебского, Спасского, Св. Василия (см. схема 1).

Предполагается, что первый деревянный храм мог быть возведен вскоре после убийства князей [Орловский, 1909, с. 204; Воронин, Раппопорт, 1979], но определены лишь сведения о строительстве XII в. Летопись содержит запись о том, что в честь первых русских святых в 1145 году «на Смядыни заложил церковь камени св. Бориса и

Схема 1. Расположение древних Смоленских памятников архитектуры XII—XIII вв. (по Н.Н. Воронину, П.А. Раппопорту). 1 — Храм Михаила Архангела (Свирская церковь); 2 — Борисоглебский собор Смядынского монастыря; 3 — «Монастырская трапезная» (И.Д. Белогорцев); 4 — Церковь Св. Василия; 5 — Спасский собор; 6 — Ворота Спасского монастыря

Глеба». В княжение Давида Ростиславича была построена церковь Архангела Михаила (Свирская) (схема 1, 1). Даты возведения остальных храмов не известны. Впоследствии на Смядыни обосновался один из первых смоленских монастырей — Борисоглебский (схема 1, 2), но время его основания неясно. Как предполагают исследователи, строительство храма и его роспись должны были занять много времени, возможно с 1145 по 1150 гг. [Воронин, Раппопорт, 1979, с. 37, Мурзакевич, 2008, с. 59]. В последний раз монастырь упоминается в раздельном межевом акте 1680 г. [Документ, 1911, с. 42].

Уже в XVIII в. местность находилась в запустении. В конце столетия началось уничтожение остатков церковных зданий. В 1833 г. губернатор И.И. Хмельницкий распорядился брать из руин храмов кирпич и бутовый камень на постройку Смоленско-Московского шоссе. Из сообщения от 24 декабря 1906 г. смоленского полицмейстера в ответ на письмо ИАК с просьбой представить сведения о состоянии памятников Смядыни, известно, что в связи с производившимися в то время строительными работами в фундаменте «обнаружили две каменные гробницы... Первый гроб, как подтверждают исторические данные, принадлежит князю Давиду Ростиславичу, меньший — кому-либо из детей Князя. Гробница Князя Давида хранится и в настоящее время в Свирском храме.» [РА ИИМК, ф. 1/1888, д. 18, л. 4]. Полицмейстер основывался на сведениях «тщательно собранных им у старожилов

и лиц, интересующихся древностями». Вторая, меньшая по величине гробница, как писали историки, была сразу же разбита. Принадлежность гробниц подтверждают находки — погребальный инвентарь с «символами княжеского звания» [Писарев, 1894, с. 19; Орловский, 1909, с. 289]. Как сообщалось, белокаменная гробница князя Давида долгое время хранилась в Свирской церкви, но где она сейчас — не установлено.

По описанию современников в конце XIX — начале XX вв. постройки Борисоглебского монастыря представляли собой руины, имевшие вид двух больших «курганов» [Писарев, 1894, с. 17; Орловский, 1909, с. 198]. На той же территории были расположены «развалины монастырских святых ворот, колокольни или даже особого монастырского храма» [Орловский, 1909, с. 199]. Последний являл собой церковь Св. Василия (схема 1, 4), построенную на месте гибели Глеба, подобно церкви Василия в Вышгороде близ Киева, в которой поначалу были погребены Борис и Глеб. Говорилось также о «каморе» или «приделе во имя святого Василия», в которых могли помещаться мощи святых. Якобы её и обнаружил при раскопках 1883 г. граф А.С. Уваров [Орловский, 2011, с. 44].

Речь шла о первых научных археологических исследованиях смядынских развалин представителями Московского археологического общества. Их провели председатель МАО — граф А.С. Уваров и В.И. Сизов. О результатах этой

работы мы знаем только из краткой заметки. Был обследован фундамент храма, выявлены некоторые конструктивные особенности. Исследователи сделали заключение, что «форма кирпичей и их кладка одинаковы с киевскими Золотыми воротами» [РА ИИМК, ф. 1/1888, д. 18, л. 4]. Уваров обнаружил рядом следы какой-то пристройки, но за отсутствием времени не расследовал её подробно. Вероятно, это и были руины Васильевской церкви.

В 1896 г. Смоленский епископ Никанор создал Смоленский Церковно-Археологический Комитет, который являлся в первые несколько лет своего существования главным центром по изучению древностей города. Одним из объектов общего интереса вновь стала Смядынь. С.П. Писарев же предпринял попытку доказать, что в 1191 г. князь Давид Ростиславич перенёс из Вышгорода на Смядынь не гробницы Бориса и Глеба, а их мощи, которые и были якобы положены в смядынском соборе [Писарев, 1897, № 8—12].

Всё чаще появлялись призывы к изучению развалин Борисоглебского монастыря, а также предлагалось создать и «Общество исследования Смоленской губернии» [Янышевский, 1900, № 265, с. 2—3].

В 1906 г. ИАК обратилась к Смоленскому губернатору с целью разузнать, верны ли представленные сведения об обнаружении крестьянами деревни Чернушки рядом с развалинами храма двух гробниц [РА ИИМК, ф. 1/1888, д. 18, л. 3].

В ответ были собраны имеющиеся сведения о монастыре, но сказано, что сообщение о находке крестьянами гробниц с предполагаемыми мощами святых — всего лишь предание, существовавшее среди жителей деревни. Но эта возникшая легенда была поддержана впоследствии многими исследователями, которые были уверены, что возможно обнаружить эти гробницы при исследовании смядынских развалин.

Стали предприниматься серьезные мероприятия по очистке и сохранению остатков Свирского храма, для чего требовалось изъять это место из частных рук [РА ИИМК, ф. 1/1888, д. 18, л. 4.]. Смоленской Ученой Архивной Комиссии (СУАК) неоднократно приходилось хлопотать о сохранении остатков церкви и обращаться с просьбой к владельцам этой местности, гг. Колпинским, чтобы устроить навес над развалинами, но, видимо, безуспешно.

В 1907 г. монахини под надзором о. Павла Троицкого начали расчистку площадки Борисоглебского монастыря [Орловский, 1909, с. 292]. В конце июня ИАК обратилась к смоленскому губернатору с вопросом «какая именно сумма потребна: 1) на изъятие участка земли на Смядыни с развалинами древнего Борисоглебского монастыря из частной собственности; 2) на обнаружение из-под земли упомянутых

развалин, и на ограждение их от расхищения» [РА ИИМК, ф. 1/1888, д. 18, л. 6].

Но в сентябре по требованию ИАК работы были немедленно прекращены до прибытия её представителя в следующем году. Императорская Комиссия изначально не хотела доверять проведение столь серьезного мероприятия никому, кроме своих исследователей, справедливо полагая, что они более опытны в этом деле. И только в сентябре 1908 г. от архитектора Д.В. Милеева, находившегося на раскопках в Киеве, поступили телеграммы о его приезде в Смоленск, чтобы до первых морозов обследовать развалины Смядынской церкви XII в. На Смядынь при распределении кредита на раскопки в заседании ИАК 5 марта было назначено до 230 руб. [РА НА ИИМК, ф. 1/1888, д. 18, л. 19—21].

Смоленские любители старины продолжали настаивать на дальнейших исследованиях, заботясь, скорее, о сохранении памятника. В прошении от 1908 г. Павел Троицкий предлагал «построить над этим местом храм таких размеров, что откопанные [так в тексте] древние стены войдут в середину храма и останутся в нижнем этаже, а во втором будет устроен престол» [РА ИИМК, ф. 1/1888, д. 18, л. 18]. Эту идею поддержала СУАК. Но ИАК не разрешила постройку деревянного храма над развалинами Борисоглебского храма по этому проекту, вследствие того, что развалины не могут размещаться в проектируемом храме и просила составить новый проект.

В местной печати появилось письмо И.И. Орловского, который указывал, что одной из важнейших задач, которая стоит перед СУАК, является «сохранение и изучение Борисоглебских развалин» [Орловский, 1909, № 91]. По поручению МАО он обследовал состояние руин, сделал сообщение о своих наблюдениях и обмерах. В результате проведенных раскопок была открыта западная сторона стены древнего храма с погребениями. Комиссия МАО составила его план [Орловский, 1909, с. 297].

Продолжались раскопки и в следующем году. СУАК решила просить ИАК о разрешении дальнейших исследований у северной стены Борисоглебского храма под её надзором, которые решили бы «вопрос о существовании пристройки храма с северной стороны его и выяснить характер их». Вскоре был получен открытый лист на проведение таких работ [РА ИИМК, ф. 1/1888, д. 18, л. 44—46]. Раскопки проводились на средства М.К. Тенишевой. В сентябре 1909 г. под руководством председателя СУАК И.Ф. Барщевского произведены раскопки, в результате которых были обнаружены остатки сооруженного из плинфы здания XII в., как предположили, церкви Василия. Кое-где на стенах уцелели фрески, сфотографированные и зарисованные членами Архивной комиссии. Всё найденное,

включая остатки фресок, образцы кирпичной кладки и надпись на славянском языке, снятую на полотно, было передано в музей Тенишевой. Результаты проведенных работ были подробно изложены Е.Н. Клетновой на заседании Комиссии [Клетнова, 1912, с. 63]. Раскопки «малого» храма на Смядыни были проведены более профессионально, чем Борисоглебского, несмотря на небольшой срок работ [Воронин, Раппопорт, 1979, с. 155].

Но ИАК была недовольна качеством археологических работ, произведенных представителями местной комиссии. По заключению академика архитектуры П.П. Покрышкина, чертежи, приложенные к отчету 1909 г. признаны неудовлетворительными, «ибо они не дают полного представления об архитектурных особенностях открытых развалин. В частности — не представлены разрезы наслоений в уничтоженной насыпи и самих развалин». Кроме того, здание разрушалось от действия природных факторов, что необходимо было срочно предотвратить [РА ИИМК, ф. 1/1888, д. 18, л. 63]. Но для этого ничего не было сделано, после произведенных работ в 1908-1909 гг. остатки собора остались незасыпанными и в дальнейшем были частично разобраны на кирпич, частично заплыли землёй.

В 1911 г. в ИАК снова обратился И.Ф. Барщевский с сообщением о том, что «духовные власти слагают с себя всякую ответственность по охранению развалин близ г. Смоленска древнего Борисоглебского монастыря /на Смядыни/. Архивная комиссия имеет честь сообщить, что со своей стороны она не имеет никаких средств и способов оградить сказанные остатки от начавшегося уже разрушения и хищения» [РА ИИМК, ф. 1/1888, д. 18, л. 64]. Но ответа от ИАК на это заявление не последовало.

Так, в последней четверти XIX — первом десятилетии XX вв. было положено начало изучению Борисоглебского храма и «малой» церкви Василия. Но в области их охраны практически ничего не было сделано, возникали столкновения интересов ИАК и губернской архивной комиссии, уделявшей этой проблеме много времени и средств. При знакомстве с архивными документами становится понятным, что столичные исследователи, которые привлекались к раскопкам, выказывали недовольство в привлечении к этой работе членов СУАК, доверяя лишь своим специалистам, и не были удовлетворены результатами исследований смоленских ученых.

Археологические работы на Смядыни продолжились только спустя сорок лет. В 1948—1951 гг. Смоленский областной отдел по делам архитектуры, под руководством И.Д. Белогорцева, составил полный список обнаруженных зданий и сооружений Смоленска XII—XIII вв. Были произведены обмеры церкви и монастырских ворот

в бывшем Спасском монастыре в д. Чернушках в верховьях Смядыни, о котором также упоминалась в трудах дореволюционных исследователей [Писарев, 1894, с. 21; Орловский, 1909, с. 251; Белогорцев, 1952, с. 88; Каргер, 1964, с. 25] (схема 1, 5). В бывшем Борисоглебском монастыре была выявлена кирпичная ограда, «монастырская трапезная» (схема 1, 3) и также произведены обмеры двух церквей. Но целью работ было составление схематичных планов исчезнувших зданий, при этом изначально не предполагалось глубокого археологического исследования территории.

В 1961—1963 гг. археологические исследования Свирской церкви производились М.Х. Алешковским, который участвовал в работе Центральной научно-реставрационной мастерской [Архив ИА РАН, 1961, № 2286].

В 1964 г. и 1972—1974 гг. Архитектурно-археологической экспедицией Института археологии АН СССР под руководством Н.Н. Воронина и П.А. Раппопорта были проведены контрольные исследования руин вышеупомянутых церквей с целью уточнения некоторых технических вопросов и хронологии частей здания [Воронин, Раппопорт, 1979, с. 155, 255, 269]. Важным было открытие боковых приделов Спасского монастыря, каменные ворота исследователи относили к поздним постройкам.

В 1958—1959 гг. впервые исследовался культурный слой Смядыни. Д.А. Авдусин, руководивший работами Смоленской экспедицией МГУ у развалин смядынских церквей, у Свирской церкви и на Кловке заложил 27 шурфов и одну траншею [Авдусин, 1967, с. 35]. Результаты оказались неутешительными, стратифицированные отложения древнерусского времени обнаружены не были. При раскопках встречено незначительное количество керамики XII—XIII вв. при преобладании фрагментов посуды XVI—XVII вв. даже в предматериковой части культурного слоя. Эти наблюдения позволили Д.А. Авдусину выразить сомнение в объективности утвердившегося за столетие представления о существовании на Смядыни раннего поселения и княжеской резиденции.

В дореволюционное время территория Смядыни активно изучалась исследователями. Возможно, историческое значение данного района города было несколько преувеличено и было подкреплено в первую очередь желанием отыскать мощи святых, которые, как считалось, были перенесены в построенный здесь храм. Споры о назначении данной территории — месте постоянного пребывания смоленских князей и важном торговом центре города, о времени её освоения и заселенности, также объясняли большой интерес к исследованию именно этой древнейшей части Смоленска. Повышенное внимание к этой исторической части города наблюдается и по сегодняшний день. В частности, вновь возник епархиальный

проект создания нового храма Бориса и Глеба с возможной музеефикацией остатков прежних храмовых зданий.

Авдусин Д.А. Альбом чертежей и фотографий к отчету о раскопках в 1958 г. / Д.А. Авдусин // Архив ИА РАН 1958, раздел 1, № 1824а, л. 35.

Авдусин Д.А. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии / Д.А. Авдусин // Смоленск. 1100-летию первого упоминания города в летописи. Материалы юбилейной научной конференции. — Смоленск, 1967. — С. 63—85.

Авдусин Д.А. Отчет о работах Смоленской экспедиции за 1958г. / Д.А. Авдусин // Архив ИА РАН 1958, раздел 1, № 1824, 21 л.

Алешковский М.Х. Отчет об археологических разведках у церкви Михаила Архангела XII в. в Смоленске / М.Х. Алешковский // Архив ИА РАН 1961, № 2286, 15 л.

Белогорцев И.Д. Новые исследования древнесмоленского зодчества / И.Д. Белогорцев // Материалы по изучению Смоленской области. — Смоленск, 1952. — Выпуск 1. — С. 87—126.

Воронин Н.Н. Зодчество Смоленска XII—XIII вв. / Н.Н. Воронин, П.А. Раппопорт. — Л., 1979. — 413с.

Грачев В.И. Иллюстрированный путеводитель по Смоленску / В.И. Грачев. — Смоленск, 1908. — 101 с.

Грачев В.И. Воспоминания о Семене Петровиче Писареве / В.И. Грачев // Краткий каталог предметов древностей Смоленского городского историко-археологического музея. — Смоленск, 1908. — С. 195—211.

Документ деревни Чернушек 1680 г. // Смоленская старина: [в 3 вып.] / Смоленская Ученая архивная комиссия. — Смоленск, 1911. — Вып. 1. — Ч. 2. — с. 43—44.

Клетнова Е.Н. О раскопках на Смядыни, произведенных в сентябре 1909 г. / Е.Н. Клетнова // Отчет СУАК за второй год её существования (3 апреля 1909—1910 гг.). — Смоленск, 1912. — С. 63—88.

Мурзакевич Н.А. История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 г. Кн. 5. / Н.А. Мурзакевич. — Смоленск, 2008. — 208 с.

Орловский И.И. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин / И.И. Орловский // Смоленская старина: [в 3 вып.] / Смоленская Ученая архивная комиссия. — Смоленск, 1909. — Вып. 1. — Ч. 1. — 195 с.

Орловский И.И. Избранное / И.И. Орловский. — Смоленск, 2011. — 240 с.

Орловский И.И. В ученой архивной комиссии / И.И. Орловский // Смоленский вестник. — 1909. — № 91. — С. 2—3.

Перлин Б.Н. Смоленск и его улицы. Историко-географические очерки / Б.Н. Перлин. — Смоленск, 2002. — 182 с.

Писарев С.П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Историко-археологическое исследование

в связи с историей Смоленска / С.П. Писарев. — Смоленск, 1894. — 297 с.

Повесть временных лет / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. — Спб., 1996.

Рукописный Архив Института истории материальной культуры (РА ИИМК) ф. 1/1888, д. №18, л. 1—65. Императорская археологическая комиссия. Смоленская крепостная стена. Смядынь.

Смоленские Епархиальные Ведомости. — 1897. — № 8—12.

Янышевский П.А. К вопросу открытия археологического общества в Смоленске / П.А. Янышевский // Смоленский вестник. — 1900. — № 265. — С. 3.

В. В. Бегунова

З ІСТОРИЇ АРХЕОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ НА СМЯДИНІ У СМОЛЕНСЬКУ

Стаття присвячена дослідженням історичної місцевості в Смоленську під назвою Свирська слобода або Смядынь, розташованій на однойменній річці. Починаючи з останньої чверті XIX ст. до вивчення цієї місцевості зверталися такі відомі дореволюційні історики Смоленська як С.П. Писарев, І.І. Орловський, Є.Н. Кленова та багато інших, а пізніше — М.К. Каргер, М.М. Воронін, П.О. Раппопорт, Д.А. Авдусин.

Дослідження підкріплювалися бажанням знайти легендарні моці Бориса і Гліба. А також мали конкретну наукову та пам'яткоохоронну мету — відкриття, вивчення і збереження руїн стародавнього Борисоглебського монастиря і знайденого поруч храму Василя. Територія Смядині, безперечно, мала багату історію і була об'єктом пильної уваги любителів старовини впродовж тривалого часу.

V. Begunova

ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES IN SMYADYN AREA, SMOLENSK

The article describes the studies of the well-known historical areas in Smolensk, named, Svirskaia Sloboda or Smyadyn after the river. Starting from the last quarter of the XIX century, this area was researched by famous historians of Smolensk as S.P. Pisarev, I.I. Orlovsky, E.N. Kletnova and many others, and later M.K. Karger, N.N. Voronin, P.A. Rappoport, D.A. Avdusin. The researchers aimed to discover the legendary relics of Boris and Gleb, as well to study the ruins of the ancient Borisogleb monastery and near-founded the temple of st. Basil. The territory of the Smyadyn, undoubtedly, had a rich history, and became the object of close attention of all archaeologists.